

БЫЛА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ НЕОТВРАТИМОЙ?

Ставить так вопрос — не значит ли заниматься пророчествами наизнанку: гаданием о том, что могло бы быть и чего не было? — Самый никчемный, ибо ни на что не вдохновляющий вид пророчеств. — Вопрос этот может иметь смысл лишь как новая, оценочная и в то же время поверочная форма нашей аподиктической схемы. Отчасти это вопрос о вине и ответственности, отчасти поправка к безнадежно черной картине, умышленно односторонней, ибо предназначенной для объяснения гибели.

И вот, на пороге последней катастрофы, мы останавливаемся, чтобы сказать: не все в русской политической жизни было гнило и обречено. Силы возрождения боролись все время с болезнетворным ядом. Судьба России до самого конца висела на острие — как судьба всякой живой личности.

Начнем издалека.

Первый признак государственного упадка в России мы усматривали в политической атонии дворянства. Заметное с конца XVIII века явление это связано—отчасти, по крайней мере, — с крушением его конституционных мечтаний. Даже если мечтания эти не были ни особенно сильными, ни особенно распространенными, в интересах государства было привлечь дворянство как класс к строительству Империи: возложить на него бремя ответственности. Всенародное представительство в виде Земского Собора было невозможно с того момента, как все классы общества, кроме дворянства, остались за порогом новой культуры. Но дворянский сейм был возможен. Он сохранился повсюду в Восточной Европе, и русские государственные деятели часто испытывали его соблазн. Эта аристократическая (шведская) идея жила и в век Екатерины (граф Панин), и в век Александра I (Мордвинов). Декабристы — значительная часть их — усвоили демократические идеи якобинства, беспочвенные в крепостной России. Но и среди них, а еще более в кругах, сочувствующих им, в эпоху Пушкина были налицо и трезвые умы, и крупные политические таланты, чтобы, сомкнувшись вокруг трона, довести до конца роковое, но неизбежное дело европеизации России. Конечно, эта задача делала невозможным немедленное освобождение крестьян, которое неминуемо ввергло бы Россию в XVII век. Единственный шанс русского конституционализма в начале XIX века — это что крестьянство могло бы не заметить перемены, всецело заслоненное от государства лицом помещика. Новый строй был бы принят им на веру, на слово царя. Постепенное приобщение к представительству других слоев — духовенства, интеллигенции, купечества — сообщало бы земский характер Собору, открывало бы возможности нормальной демократизации, плоды которой со временем достались бы и освобожденному крестьянству. Конечно, в тот день, когда царь апеллирует к народу, от дворянства не останется ничего. В этом, в необходимости политического самоограничения царя, и заключается практический утопизм конституционного пути. Абсолютизм нигде и никогда себя не ограничивал, а

в России не было силы, способной ограничить его извне. Весь этот первый политический ренессанс — дворянский — был задушен навсегда тяжелой рукой Николая I.

Реформы Александра II, надломив бюрократический строй, но не перестроив государства на новых началах, оставили хаос, разброд в умах, междоусобную борьбу во всех колесах правительственного механизма, уничтожая левой рукой то, что делала правая, царь вывел Россию из равновесия. С 60-х годов начинается последняя, разрушительная эпоха Империи. А между тем вызванная ею к жизни так называемая общественность, то есть дворянско-интеллигентские силы были значительны, одушевлены идеализмом политической и культурной работы и далеко не всегда беспочвенны. Земская, позже городская Россия, плод самоотверженного труда двух поколений деятелей, доказывает положительные, созидательные способности новых людей. Государство оттолкнуло их, отвело им тесно ограниченный удел, создав из земщины как бы «опричнину» наизнанку, вечно подозреваемую и подрезываемую экспериментальную школу новой России. Эта изоляция от государства воспитала земцев — безгосударственников, деятелей уездного и губернского масштаба, слепых к мировым задачам России.

Но атрофия государственного сознания была искусственной: поддерживалась вечной мелкой войной с губернаторским самодурством и зрелищем попятного движения Петербурга. «Увенчание здания» в 60-х годах организовало бы эту общественную энергию, превращая ее в национальную. Трудности были — и немалые. Во-первых, политическая школа Запада угрожала превратить русский Земский Собор в театр красноречия и борьбы за власть. Но правительство располагало ещё большими славянофильскими ресурсами. Опершись на духовенство и купечество, оно могло бы оживить древнюю легенду православного царя. Приобщая к реальной власти, то есть давая политические посты земским деятелям, наряду с бюрократией правительство вырвало бы почву у безответственной оппозиции. Вторая, и несравненно большая трудность заключалась в свободном крестьянстве, которое не замедлило бы предъявить свои притязания на всю землю. Пришлось бы идти на ликвидацию дворянского землевладения гораздо решительнее, чем шли в действительности. Последствия были бы не из легких — сельскохозяйственные и общекультурные. Но жизнь показала, что этот процесс неотвратим. Россия должна была перестраиваться: из дворянской в крестьянско-купеческую. У власти был шанс сохранить в своих руках руководство этим процессом, проведя ликвидацию с возможной бережностью к старому культурному слою. Третьей опасностью являлся анархический нигилизм, поскольку он отражал не реально-политические, а сектантски-религиозные потребности русской интеллигентской души, он не поддавался политическому излечению. Но в 60-х годах болезнь была в зародыше, и в условиях гражданского мира максималистские тенденции могли быть направлены по их подлинному религиозному руслу.

Для этого пути от власти требовалась большая смелость — и вера, вера в свою правду и в свой народ. Александр II и его правительство ни верой, ни смелостью не обладали. Правительство ориентировалось на немцев, было чуждо русским национальным течениям и трусливо так, как мог быть только доживающий абсолютизм Габсбургов. Тяжелая моральная атмосфера двора, столь несоответствующая народной легенде о Царе-освободителе, доказывает эту внутреннюю опустошенность монархических ресурсов в народной душе.

Под пышной порфирой Александра III гниение России сделало такие успехи, что надежды на мирный исход кризиса к последнему царствованию были невелики. Главное было в исчерпанности моральных ресурсов. Славянофильский идеал был опоганен мнимой национальной полицейской системой удушения. Внутренняя хилость и бездарность консервативных течений конца века (после Достоевского, Леонтьева!) — показатель безошибочный. Консервативные идеи в «Новом времени» оказались продажными. Без субсидии от правительства не могла существовать ни одна правая газета. Ясно, что возрождение теократической идеи царства стало невозможным.

Но для России были даны еще два последних шанса. Первый шанс — революция 1905 года. Второй — контрреволюция Столыпина.

Невозможно доказать, невозможно даже утверждать с полной убежденностью, что победа революции в 1905 году не привела бы к тому же развалу России, что революция 1917 года. Все же можно привести серьезные противопоказания. В движение 1905 года в отличие от революции 1917 года все партии и группы русской интеллигенции шли с огромной верой и энтузиазмом. Моральный капитал революции, скопленный за столетие, не был растрачен. Народ не находился в состоянии отчаяния и слабо чувствовал войну. Огромные массы крестьянства жили еще в условиях патриархального быта и сознания. Самое главное: международная обстановка была сравнительно благоприятной. Война могла быть закончена в любой момент. Конечно, успех революции неизбежно привел бы к захвату помещичьей земли, пожарам и погромам. Конечно, социалистическая агитация в рабочих массах возбуждала их против либеральной демократии. Но все эти опасности действовали в неизмеримо меньшей степени, чем через 10 лет. Даже большевики 1905 года со своей программой диктатуры пролетариата и крестьянства стояли на почве русской, национальной революции. Гражданская война была неизбежна. Но она имела шансы окончиться победою опирающихся на удовлетворенное крестьянство умеренных слоев демократии.

Впрочем, самые шансы эти, то есть недостаточная острота революционной ситуации, и сделала возможной сравнительно легкое подавление революции.

Инициатива была в руках правительства. Оно имело шанс. И какой шанс!

Восьмилетие, протекшее между первой революцией и войной, во многих отношениях останется навсегда самым блестящим мгновением в жизни старой России. Точно оправившаяся от тяжелой болезни страна торопилась жить, чувствуя, как скупы сочтены ее оставшиеся годы. Промышленность переживала расцвет. Горячка строительства, охватившая все города, обещавшая подъем хозяйства, предлагавшая новый выход крестьянской энергии. Богатеющая Россия развивала огромную духовную энергию. Именно в это время для всех стал явен тот вклад в русскую культуру, который вносило русское купечество. Университет, получивший автономию, в несколько лет создал поколение научных работников в небывалом масштабе. В эти годы университеты Московский и Петербургский не уступали лучшим из европейских. Помимо автономии и относительной свободы печати, научная ревность молодежи поддерживалась общей переоценкой интеллигентских ценностей. Вековое мирозерцание, основанное на позитивизме и политическом максимализме, рухнуло. Созревала жатва духа, возросшая из семян, брошенных в землю религиозными мыслителями XIX века. Православная Церковь уже собирала вокруг себя передовые умы, воспитанные в школе символизма или марксизма. Пробуждался и рос горячий интерес к России, ее прошлому, ее искусству. Старые русские города уже делались целью паломничества. В лице Струве и его школы — самой значительной школы этого времени — впервые после смерти Каткова возрождалась в России честная и талантливая консервативная мысль. Струве подавал руку Столыпину от имени значительной группы интеллигенции, Гучков — от имени буржуазии. Как использовала монархия эти счастливые для нее возможности?

Император Николай II имел редкое счастье видеть у подножия своего трона двух исключительных, по русской мерке, государственных деятелей: Витте и Столыпина. Он ненавидел одного и предавал обоих. Они были совершенно разные, особенно в моральном отношении, люди. Но оба указывали монархии ее пути. Один — к экономическому возрождению страны через организацию сил промышленного класса, другой — к политическому возрождению России — в национально-конституционных формах. Николай II хотел принизить Витте до уровня ловкого финансиста, а Столыпина — до министра полиции. Он лукавил с обоими и окружал себя политическими гадами, публично лаская погромщиков и убийц. Он жил реакционной романтикой, созвучной славянофильским идеалам, растоптанным его отцом и дедом. Лет сорок-тридцать тому назад они имели действительную силу. Теперь это была вредная ветошь, нелепый маскарад, облекавший гвардейского полковника в одежды московского царя. В Царском Селе императрица строила Феодоровский городок для задуманного ею духовно-полицейского ордена рыцарей самодержавия (старая идея «опричнины»). В жизни рыцари оказывались наемными охранниками или бандитами. Во дворце жили в сознании войны со своими мятежниками подданными и подменивали политику полиции. Это выпячивание полиции бередило уже зарубцевавшиеся раны, срывало дело национального

объединения. Беспричинно и бессмысленно разрушалась автономия университетских корпораций. Кассо и Шварц сумели вызывать из потухшего пепла слабые вспышки студенческих забастовок. Но хуже всего было prostituiрование народного представительства.

Монархия не могла править с Думами, состоящими из социалистов и республиканцев. Это ясно. Но она так же не доверяла Думе октябристов и националистов. Она вела в лице ее войну с консервативными силами страны — мелочную, нелепую, дискредитирующую и власть, и народное представительство. Народ приучался к мысли о бессилии и никчемности Думы, интеллигенция — к аполитизму. Не стоило создавать Думы, не приобщая к власти ее вождей. Оставляя за ними лишь право слова, правительство превращало Думу в «говорильню», в митинг, который, как митинг, имел тот огромный недостаток, что отражал настроения лишь правого сектора страны. Столыпин не принял протянутой руки Струве и Гучкова — не потому, чтобы недооценивал значения гражданского мира. Но за ним стоял дворец, который парализовал его волю, дворец, который превратился в штаб гражданской войны.

В довершение бедствия дворцовый мистицизм принял уродливые и опасные формы. Вся Россия — с ужасом или захлебываясь от удовольствия — переживала годы распутии. Хлыст, через царскую семью, уже командовал над русской Церковью в ожидании того момента, когда война отдаст ему в руки государство. Подобранный Распутиным Синод, распутинские митрополиты, ссылка епископов — неслыханное поругание Церкви совершалось именем царя, который мистически сознавал себя помазанником Божиим, который всецело принимал сверхчеловеческую ответственность самодержавной власти. Для религиозного сознания один этот грех обрекал на смерть династию. Для всей грамотной России это была ванна мерзости, в которую она погружалась каждый день.

Оглядываясь на последние предвоенные годы, чувствуешь странное раздвоение: гордость достижениями русской культуры и тяжесть от невыносимого нравственного удушья. Имморализмом была поражена более или менее вся Россия. Ренессанс культуры не сказался еще ничем в ее сердце. Но ясно замечаешь и определенные черные лучи, Исходящие из одного фокуса: отравляющие правительство, Думу, печать, общественность. Этот фокус — в царском дворце. Можно, конечно, думать, что рок войны, непосильной для России, все равно обрекал на гибель работу ее творческих сил. Но и без войны было ясно, что вся эта работа парализуется и отравляется в самом сердце страны.

Нельзя преуменьшать значения личной ответственности в истории. В самодержавной монархии не может не быть особенно тяжелой ответственность царя. Но бывают годы в жизни народов, годы кризисов, распутий, когда чаша личной ответственности начинает перетягивать работу бессознательных исторических сил. В русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим

факторам, к воздействию групп. Эти два человека — Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути.